

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.8>

Мещанский Александр Юрьевич

БЫТИЕ "СРЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА" В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

В статье рассматривается концепция "среднего человека" в современной русской драматургии. На различном текстовом материале показана актуальность выбранной темы в условиях стремительно меняющейся парадигмы цивилизационного развития России рубежа XX-XXI веков. Изучаемые драматургические произведения высвечивают сдвиги в системе ценностных ориентиров, которые долгие десятилетия поддерживали жизненные перспективы советского общества. Анализируемая тема акцентирует злободневную проблему формирования нового типа поведения, новых гендерных отношений и нового аксиологического вектора в современном социокультурном пространстве. Установлено, что проблема "среднего человека" в современной драматургии отражает личностную и творческую самореализацию представителей новейшей драматургии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 1. С. 39-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

выражающие качество или свойство напитка («весеннее вино», «деревенское вино»); 3. Слова-символы и метафоры-сравнения («прекрасный источник», «лечебные дрожжи», «зелень барды», «краснота закваски»). Наиболее богато представлены обозначения самого напитка, его свойств, а также характеристики персонажа как представителя определенной профессии, социальной группы («платок Тао Цаня», «деньги на набалдашинике посоха», «лавка гадальщика», «торговец вином»). Самой малочисленной предстает группа действий и последствий вина, состоящая в основном из понятий *опьянение* и *беспробудное пьянство*.

Базисными мотивами основных тем винных стихов Ван Цзи являются мотивы темы опьянения и последствий вина; уникальности и ценности этого напитка; мотивы темы приобретения вина.

Итак, винные стихи Ван Цзи представляются достаточно разнообразными: как содержательно (множество мотивов, а также богатство образного мира стихотворений), так и количественно (среди рассмотренных произведений есть отдельные стихотворения и стихотворные циклы).

Список источников

1. **Алексеев В. М.** Китайская литература. Избранные труды. М.: Наука, 1978. 595 с.
2. **Алкогольные напитки и поэтическое творчество** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2013-06/26/content_551794.htm (дата обращения: 15.03.2018).
3. **Позднеева Л. Д.** Литература Востока в Средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 465 с.
4. **Сун Ц.** Вино в социокультурном ландшафте России и Китая: дисс. ... к.и.н. Астрахань, 2015. 234 с.
5. **Федоренко Н. Т.** Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан. М.: ГИХЛ, 1956. 432 с.
6. **Эйдлин Л. З.** Поэзия эпохи Тан (VII-X вв.). М.: Худож. лит., 1987. 479 с.
7. **Owen S.** The poetry of the Early Tang. Harvard University Asia Center, 2012. 446 p.
8. **王绩** · 王舞功文集. 上海: 古籍出版社, 1987. 272 页 (Ван Цзи. Собрание сочинений Ван Угуна. Шанхай: Древняя литература, 1987. 272 с.).

WINE IMAGE IN WANG JI'S POETRY

Lebedeva Anna Viktorovna

*Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk
av_lebedeva89@mail.ru*

The article deals with the wine image in the creative work of Wang Ji (585-644), one of the first poets of the Tang dynasty. Wine, being a constant companion of Wang Ji, plays a peculiar role in his creativity. Wang Ji questions the meaning of time spent in sobriety. Is it worth living as long as you like, if you cannot do what you want? It is better to live freely, indulging in inspiration, than to drive yourself into the rigid framework of Confucianism. For Wang Ji wine, acting as the metonym of all the worldly joys, is a way of getting rid of melancholy, a means of forgetting cares, an escape from reality to the world of illusory impressions.

Key words and phrases: Tang poetry; poems; wine; wine culture; loneliness; poetic intoxication; condition of zui; hangover; Wang Ji.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 27.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.8>

В статье рассматривается концепция «среднего человека» в современной русской драматургии. На различном текстовом материале показана актуальность выбранной темы в условиях стремительно меняющейся парадигмы цивилизационного развития России рубежа XX-XXI веков. Изучаемые драматургические произведения высвечивают сдвиги в системе ценностных ориентиров, которые долгие десятилетия поддерживали жизненные перспективы советского общества. Анализируемая тема акцентирует злободневную проблему формирования нового типа поведения, новых гендерных отношений и нового аксиологического вектора в современном социокультурном пространстве. Установлено, что проблема «среднего человека» в современной драматургии отражает личностную и творческую самореализацию представителей новейшей драматургии.

Ключевые слова и фразы: современная новая драма; проблема «среднего человека»; российское общество; бытовой конфликт; аксиологический кризис.

Мещанский Александр Юрьевич, к. филол. н., доцент

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
a.meshchanskiy@narfu.ru*

БЫТИЕ «СРЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Динамика современного литературного процесса в последние десятилетия проявляется в своего рода перераспределении доминантно-родовых позиций, результатом которого становится заметный всплеск

драматургического творчества современных авторов. Если в конце 1980-х гг. заявившее о себе направление концептуализма (Д. Пригов, Т. Кибиров, Л. Рубинштейн и др.) в большей мере было ориентировано на поэзию, а в 1990-е и в начале 2000-х основное место заняла проза (В. Пелевин, В. Сорокин, Е. Попов, В. Ерофеев, Э. Лимонов, В. Пьецух, Г. Владимов и др.), то в новейшей литературе ведущие позиции прочно занимает драматургия. Представители новейшей драматургии (Е. Гришковец, Н. Коляда, В. Сигарев, М. Угаров, Е. Гремина, О. Мухина и др.) находят различные способы привлечь внимание читателя-зрителя тем, что на языке пьесы можно говорить о столь же современных, острых, злободневных проблемах, как и на языке художественной прозы и публицистики. Стоит отметить, что на рубеже XX-XXI вв. сформировался определенный круг драматургов, творчество которых существенно отличается от предшествующей советской драматургии: «Современный отечественный театр имеет значительно больше точек соприкосновения и преемственных, хотя и вторичных связей с западным театром и постмодернистским культурным дискурсом, нежели со своим непосредственным предшественником» [2, с. 29].

Общий подъем художественного искусства в конце 1950-х – начале 1960-х гг. повлек за собой и подъем драматургии. Появились произведения новых незаурядных авторов, которые по сути определили основные пути развития отечественной драматургии ближайших десятилетий. Примерно в этот период сформировались индивидуальности четырех драматургов, чьи пьесы много ставились на протяжении всего советского периода, – А. Арбузова, В. Розова, А. Володина, А. Вампилова. Разумеется, стремительный подъем русской драматургии не ограничивался названными именами. В это время активно пишут свои пьесы М. Шатров, А. Штейн, С. Алешин, Л. Зорин, А. Салынский, А. Гельман. К сожалению, отдельные пьесы этих авторов не прошли проверки временем и стали своеобразным литературным «архивом», изучаемым кругом узких специалистов по истории отечественной драматургии. Однако русская драматургия продолжала развиваться по пути поиска новых форм, тем, сюжетов. Главное, что объединяло лучших драматургов второй половины XX столетия, – духовный стоицизм, вера в то, что человеческий дух способен вынести любые испытания, и убеждение в том, что помочь ему в этом призвана высокая литература, опирающаяся на гуманистическую традицию прошлого. Такая литература должна быть предостережением и утешением в бедствиях, внушать чувство гражданской ответственности за происходящие в жизни события. «Когда не знаешь, как поступить, поступай по совести», – говорил И. Бродский [Цит. по: 1, с. 89]. Эта простая мысль была своеобразным нравственным вектором творческого поиска советских драматургов.

Существенная примета современного отечественного театра – смена репертуара, продиктованная в том числе трансформацией авторской модальности, интенции. Как полагает современный драматург, художественный руководитель Театра.doc М. Угаров, ключевой тенденцией в развитии современного искусства является ситуация, «когда социальная дискуссия вокруг произведения становится важнее его содержания» [12]. Новая драма не просто фиксирует злободневные проблемы современной социальной жизни. Она стремится к откровенному обнажению социальной и духовной бедности, выразившейся в инфантилизации и маргинализации общества (эти проблемы затрагиваются в пьесах И. Вырыпаева, В. Дурненкова, В. Сигарева, М. Курочкина, П. Пряжко, Е. Исаевой, О. Богаева, О. Мухиной, Ю. Клавдиева и др.). По верному замечанию О. Журчевой, «“первичная реальность” в своем грубом и необработанном виде вторглась и на страницы пьес, и на театральные подмостки» [4, с. 229].

Современных драматургов объединяет внутренняя полемичность по отношению к драматургам предшествующей советской эпохи. В своих пьесах они стремятся отразить негативные явления современной российской жизни, затронувшие судьбы миллионов людей. Это, в частности, проблемы поляризации качества жизни расслоенного общества, когда значительная часть населения страны оказалась «на дне» жизни; социальная неустроенность, отсутствие перспективы, бедность и маргинализация населения. Однако «благое» стремление к правдивому воспроизведению действительности на сцене в определенном смысле нивелировало основную задачу театра – быть «кафедрой, с которой можно много сказать миру добра» [3, с. 5]. Современные драматурги перестают отображать жизнь средствами искусства и все больше воспроизводят жизнь средствами жизни. Катарсис – базовый принцип античной трагедии – в современном театре утрачивает свою актуальность.

Реальность депрессивной эпохи вывела на сцену и нового героя: героя «страдательного залога», пассивного поведения, лишённого чувства ответственности из-за утраты личностной перспективы, а иногда и смысла жизни. Разумеется, такой герой появился не в одночасье. Он «выковывался» на протяжении советского периода и десятилетиями постсоветской рыночно-бездуховной атмосферы, породившей серьезные трансформации личного и массового сознания, повлекшей кризис в духовной сфере общества. Этот кризис сопровождается весьма болезненными переживаниями, стрессом личности, ощущением напрасно прожитой или проживаемой жизни, собственной не востребованностью и бесперспективностью в связи с изменившимися реалиями у большей части населения современной России.

Формирование «инертной массы», как представляется, обусловило повышенное внимание разных современных писателей к человеку «массы» – «среднему» человеку. О социо-психологических свойствах этого человека писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет: «Масса – это средний человек... это тот, кто не может оценить самого себя, как с плохой, так и с хорошей стороны, это тот, кто чувствует себя “таким, как все” и отнюдь не переживает из-за этого. Ему нравится чувствовать себя таким, как все» [7, с. 42-44]. Схожие размышления о природе «среднего» человека высказал и отечественный философ В. Розанов, объяснивший популярность А. Чехова тем, что «он стал любимым писателем нашего безволия, нашего безгероизма, нашей обыденщины, нашего “средненького”. <...> В нем есть бесконечность, – бесконечность нашей России. Хороша ли она? – Средненькая. – Худа ли? – Нет, средненькая» [10, с. 482].

Реанимация «среднего человека» современной драматургией обусловлена безгеройностью литературы, утратой аксиологических ориентиров в новой социо-культурной парадигме. Как справедливо заметил Б. Дубинин, «во второй половине 1990-х главным человеком в России стал средний человек: высокие присели, низкие поднялись на цыпочки. Все стали средними» [Цит. по: 13, с. 11]. Этот «главный человек» перекопал на сцену современного театра и стал тем зеркалом общества (вспомним гоголевский эпиграф к «Ревизору»), на которое «неча пенять». «Средний человек» – центральный персонаж пьес Н. Коляды, Е. Гришковца, М. Угарова, В. Дурненкова, В. Сигарева, Л. Петрушевской, Е. Исаевой, Р. Кошурниковой, О. Погодиной, А. Колесниковой и др. Их герои, имеющие разный социальный статус, образование, мировоззрение, предстают не героями нравственного сопротивления, а скорее жертвами системы кривоизгибающей, социальной и нравственной неустойчивости. Общий итог жизненного опыта героев современной драматургии может быть передан ставшим прецедентным высказыванием – «так жить нельзя».

Тема кризиса привычной аксиологии получила своеобразное воплощение в пьесе Р. Кошурниковой «Общий вагон дальнего следования», название которой символично ассоциируется с современной Россией. Местом действия в пьесе является продольный разрез общего вагона, пассажиры которого воплощают собой социальный срез российского общества. Примечательно, что почти все действующие лица представлены по социальным или каким-либо косвенным признакам: студент, старушка, проводница, усатый, басовитый, человек в шляпе и т.д. Единственный в пьесе персонаж, действующий под собственной фамилией, – это Желтовский, ставший причиной развития конфликта. Обнаружив, что его место занято, он требует от Усатого пересесть согласно купленным билетам. Однако последний отказывается выполнить требование Желтовского, мотивируя свое поведение тем, что кто «первый зайдет, первым займет» [6, с. 55]. Абсурдность ситуации усиливается тем, что позиция Усатого находит оправдание и поддержку у большинства пассажиров вагона. Заявление Желтовского о своих законных правах вызывает агрессию у пассажиров, в его требовании соблюдения порядка они видят желание вырваться из общей усредненной массы: «Здесь невозможно устроиться лучше или хуже. Здесь всем одинаково хреново. И вагон у нас общий, и едем в одну сторону. Где же лучше-то взять?.. Терпи» [Там же, с. 56].

Бытовой конфликт, ставший завязкой пьесы, разрастается до осмысления национально-исторической судьбы России в условиях социально-духовного кризиса. Спор о пассажирском месте выливается в спор о «дикости» российской жизни, в которой права человека дискредитируются как на утилитарно-бытовом, так и государственном уровне. Не случайно ироничную модальность в пьесе Р. Кошурниковой получает аллюзивная цитата «Не так сели! Пересесть!», намекающая на известную фразу Б. Ельцина, произнесенную на заседании оргкомитета по подготовке встречи третьего тысячелетия. Практически каждый участник конфликта в пьесе говорит об общероссийском «бардаке» и равнодушии власти к народу. Знаковым становится высказывание проводницы о «вагоне»-России: «Вагон давно на списание определен, а все цепляем, потому что других нет, не хватает» [Там же, с. 66]. Финал пьесы закономерен и трагикомичен: затянувшееся «пассажирское» противостояние оборачивается сорванным стоп-краном и разрывом сцепления. Остановившийся в чистом поле вагон вынуждает героев пьесы прекратить дебаты и, объединившись, толкать вагон вручную.

Тема антропологической катастрофы «среднего человека», утратившего способность к самостоятельному экзистенциальному самоопределению, – одна из ключевых в драматургии Н. Коляды. Его герои – «не типажи, не “общелюди”, а люди живые, с неповторимой индивидуальной судьбой и собственным миром в душе» [3, с. 190]. Они проходят испытание «огнем и мечом» тяжелых бытовых условий. Хождение по бытовым мукам – постоянный атрибут сюжетов пьес Н. Коляды («Мурлин-Мурло», «Уйди-уйди», «Полонез Огинского», «Землемер» и др.). Так, в пьесе «Клещ» сквозь призму истории банального «любовного треугольника» открываются убожество и бедность жизни российской провинции в пореформенные годы конца XX века. Две сорокалетние одинокие женщины – Валя и Мария – продолжают «делить» уже мертвого мужчину. Склока бывшей любовницы с бывшей женой обнажает мрачную судьбу советского инженера, потерявшего в «лихие» 90-е работу и вынужденного до конца дней работать на рынке уборщиком. Этот мертвый персонаж по сути цементирует сюжет пьесы. Преждевременная смерть Дмитрия осложняет и без того трудную жизнь его семьи, не способной платить даже за коммунальные услуги. Жена и дочь покойного страдают не только от дефицита финансов, но и от дефицита добра, человечности, понимания. В диалоге с учительницей русского языка и литературы Валентиной Сергеевной бывшая ученица Анна вспоминает стишок глаголов-исключений второго спряжения: гнать, держать, смотреть и видеть, дышать, слышать, ненавидеть, и зависеть, и вертеть, и обидеть, и терпеть. Заученные слова становятся своеобразным «уроком жизни» в современной действительности: «Не хочу никому ничего отдавать, никого любить, никем не хочу дорожить, ничего не терпеть, никем не вертеть, никого не ждать, хочу только не зависеть и всех ненавидеть, ненавидеть, ненавидеть, спасибо за уроки жизни, дорогая учительница моя!» [6, с. 48]. Да и сама учительница на протяжении действия пьесы рефреном произносит лингвистическую «запоминалку» «Чувиллин чувствует, что ему сочувствуют», страдая от нехватки любви и сочувствия.

В личной трагедии трех героинь пьесы просвечивается общероссийская драма, связанная с утратой прежних идеалов, крушением иллюзий и ценностей советского мира. Герои пьесы представляют поколения, выросшие на книгах русских классиков и успевшие испытать разочарование в них. Звучащие в пьесе цитаты из Герцена, Толстого, Чехова теряют свою актуальность в реалиях той действительности, когда миллионы «средних» людей оказались на социальном дне и вынуждены бороться за выживание. Социально-бытовые условия жизни разрушают в героях Н. Коляды то «доброе и светлое» начало, которое прививала им отечественная классика.

ВАЛЯ. Анечка, понимаешь, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, сказал великий Герцен... АНЯ. ...которого разбудили декабристы. Да хоть Пушкин, нет денег, да и все [Там же, с. 37-38].

Богатая русская культура перестает объединять людей и определять их жизненную интенцию. По мнению писателя Э. Лимонова, это обусловлено тем, что «социальные условия – те жизненные коллизии, которые описываются у “классиков”, – просто устарели. Таких событий и таких коллизий уже не существует в реальной жизни русской. Можно, конечно, читать книги классиков как символические басни. Но зачем же это делать?» [5].

Дискредитирование старых общественных идеалов и утверждение новой филистерской идеологии сыграли свою роль в формировании эстетического облика современной драматургии, главным герой которой – «средний» (массовый) человек – становится заложником эгоистично-циничного образа жизни. Этот человек утрачивает способность к рефлексии, самоанализу, духовно-нравственному самоопределению: «Массовый человек все больше уподобляется автомату, от которого требуется в первую очередь физическая энергия, в лучшем случае чистый механико-математический интеллект, приложимый к новым техническим задачам, способность к адаптации, послушность и легкая управляемость» [2, с. 22].

Атрофия человеческой совести, души – центральная тема пьесы О. Погодиной с символическим названием «Глиняная яма». События, разворачивающиеся в пьесе, происходят в наше время, в провинциальном российском городке. Основу произведения составляет «мысль семейная», репрезентируемая в трагичной судьбе трех женщин: матери и ее взрослых дочерей, обделенных личным счастьем. Живущие без мужской любви и поддержки, женщины пытаются приспособиться к существующим реалиям современной жизни. Мать мечтает о том, чтобы дочери нашли себе хороших мужей, способных обеспечивать семью, заботиться о них. Прагматичная Мила становится любовницей-содержанкой у состоятельного бизнесмена, а ее старшая сестра Галя после смерти утонувшего из-за пьянства мужа приводит в дом молодого гастарбайтера Рустама, не имеющего прописки и работающего на рынке «хачиков». Основной сюжет перемежается сценами-снами, в которых героям снятся вещие сны. Важную смысловую нагрузку несет эпиграф к пьесе («*Они сказали ему: нам виделись сны; а истолковать их никому*»), который актуализирует библейский сюжет об Иосифе Прекрасном, наделенном даром толковать сны. Слова эпиграфа принадлежат виночерпию и хлебодару, заключенным вместе с Иосифом в одной темнице. Расшифровка значения эпиграфа в контексте пьесы связана с ответом Иосифа на реплику сокамерников: «Иосиф сказал им: не от Бога ли истолкования? расскажите мне» (Бытие 40:8). Герои пьесы не понимают тех предупреждений, которые получают во сне, они духовно атрофированы. Название пьесы «Глиняная яма» также восходит к библейскому тексту. Согласно религиозным представлениям, человек был создан из глины, в которую Бог вдохнул жизнь. По сути, пьеса О. Погодиной может быть рассмотрена как очередная модификация горьковской темы «дна» о человеческой яме, ставшей фактом современной общественной жизни.

Художественный мир, создаваемый О. Погодиной, – мир страстей и эгоизма, мир без Бога. Каждый персонаж пьесы является героем автономного существования, каждый одержим личными амбициями и интересами собственного блага, исключая ценность жизни другого, даже родного, человека. Галя, не желающая упускать «последний шанс», отвозит своих детей к матери, чтобы не раздражать молодого мужа их присутствием. Мать, уставшая от внуков, требует от дочери забрать детей к себе. А бездетная из-за абортов Мила планирует новую жизнь с богатым любовником и «горячим» мужем сестры. Заложниками семейного «дурдома» становятся дети Гали, являющиеся лишними для «взрослых» героев пьесы. Дети, Саша и Миша, чьи имена отсутствуют в списке действующих лиц, принимают решение больше не мешать жить взрослым и кончают жизнь самоубийством. Знаковым в пьесе становится прецедентное высказывание, ставшее распространенным в России рубежа веков и ознаменовавшее эпоху «русского креста» – «нищету плодить не надо» [9]. Провинциальная бедность, маленькая жилплощадь, социальная нестабильность нивелируют ценность жизни детей, являющихся символом будущего.

Традиционный для русской литературы мотив замученных детей (вспомним Достоевского) получает своеобразное развитие и в пьесе Л. Петрушевской «День рождения Смирновой». Три подруги делятся историями своей нелегкой женской доли, в которой судьба их детей кажется не менее мрачной. Звучащие на именинах реплики – «нельзя ведь перед ребенком отделяться репкой! Ему курицу нужно»; «Хорошо ли быть матерью-одиночкой, с отцом моложе матери на двенадцать лет, да еще и который не хочет ребенка знать»; «детей не сотрешь с лица земли»; «У нас мало денег. Папина пенсия, мамина совсем ничего, я младший научный да двое детей...» [8, с. 34, 44, 53] – открывают трагедию как женских персонажей пьесы, так и их детей, лишенных не только необходимого уровня жизни, но и самого детства. Сама же виновница торжества сознательно делает аборт, объясняя свой поступок материнской любовью к нерожденному ребенку, появление на свет которого обречет на жизнь «без всякой надежды»: «Хорошо ли это ребеночку...» [Там же, с. 53].

Быт типичного «среднего человека» в современных пьесах – это путеводитель к русскому бытию, в котором человеческая душа, по выражению одного из героев пьесы А. Колесниковой «Чем бояться чертей, так бойся людей!», «сдается в ломбард» [6, с. 91]. Проблемы социальные затмевают духовные, и, как заметил черт из вышеназванной пьесы, «да та же ипотека, если хотите знать, похлеще продажи души будет... та еще кабала» [Там же, с. 82]. В современной драматургии все чаще появляются бытовые пьесы с философскими обобщениями. Эти произведения прочитываются как в социо-культурном, так и в политическом аспектах. В них выражены откровенно оппозиционные взгляды, и не только в общем виде или иносказательно, но и в виде конкретной резкой критики условий жизни современного «среднего человека». По замечанию В. Токаревой, «сейчас остались две профессии – богатые и бедные. <...> В результате то, чем ты занимаешься, становится только источником средств – довольно жалких – и унижений – довольно сильных» [11]. Эта мысль писательницы получила своеобразное художественное воплощение в современной бытовой драме, акцентирующей тему быта «среднего человека». Для современной драмы характерно стремление к постановке кардинальных социальных и нравственных проблем, осмысление отношений между бытом-бытием-личностью во всем их многообразии.

Список источников

1. Вайль П. Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 701 с.
2. Вислова А. В. Русский театр на сломе эпох: рубеж XX-XXI веков. М.: Университетская книга, 2009. 272 с.
3. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 368 с.
4. Журчева О. В. Стилиевые и жанровые стратегии в новейшей драматургии // Драма и театр: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. Вып. VI. С. 221-229.
5. Лимонов Э. Русская литература и российская история [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/429> (дата обращения: 22.05.2018).
6. Лучшие современные одноактные пьесы: сб. произведений. М.: Ниаландо, 2016. Вып. 1. 248 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: сборник / пер. с исп. М.: Радуга, 1991. 639 с.
8. Петрушевская Л. Квартира коломбины: пьесы. СПб.: Амфора, 2006. 415 с.
9. Погодина О. Глиняная яма [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/7/по4.html> (дата обращения: 22.05.2018).
10. Розанов В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 734 с.
11. Токарева В. «Остались две профессии – богатые и бедные» [Электронный ресурс] // Огонек. 2007. № 35 (5011). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2299469> (дата обращения: 22.05.2018).
12. Угаров М. «Даже у сверхбанкиров не бывает безупречной жизни, у каждого свой ад» [Электронный ресурс] // БИЗНЕС ONLINE: деловая электронная газета Татарстана. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/125806> (дата обращения: 25.09.2018).
13. Черняк М. А. Массовая литература XX века: учеб. пособие. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2009. 432 с.

BEING OF “AVERAGE MAN” IN THE PROBLEM FIELD OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN DRAMATURGY

Meshchanskii Aleksandr Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
a.meshchanskiy@narfu.ru

The article deals with the conception of “average man” in the contemporary Russian dramaturgy. By the example of various textual materials, the relevance of the chosen topic is shown within the rapidly changing paradigm of the civilization development of Russia at the turn of the XX-XXI centuries. The studied dramatic works highlight shifts in the system of value orientations, which supported the life prospects of the Soviet society for many decades. The analysed subject accentuates the topical problem of the formation of a new type of behaviour, new gender relations and a new axiological vector in modern socio-cultural space. The author ascertains that the problem of “average man” in contemporary dramaturgy reflects the personal and creative self-realization of the representatives of the newest dramaturgy.

Key words and phrases: contemporary new drama; problem of “average man”; Russian society; domestic conflict; axiological crisis.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 10.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.9>

Чувашская литература конца XX в. представляет собой недостаточно изученное явление. В статье поставлена цель проанализировать общее состояние чувашской поэзии с середины 1980-х гг. до начала XXI в. Автор впервые выделяет и характеризует три линии национальной поэзии: традиционно-лирическая, интеллектуальная и песенная поэзия. Отдельное внимание уделяется творчеству ярких молодых поэтов, пришедших в литературу в середине 1980-х гг. Проведённый обзор позволяет сделать вывод о том, что в данный период происходит смена литературной парадигмы: обновляется облик чувашской литературы в целом и поэзии в частности.

Ключевые слова и фразы: чувашская литература; традиционно-лирическая поэзия; интеллектуальная поэзия; песенная поэзия; визуальная поэзия; метро-ритмика; традиция.

Никифорова Вера Витальевна, к. филол. н.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары
vera.nikiforova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ. – НАЧАЛА XXI В.: РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ

В середине 1980-х гг. в стране начались крупные преобразования, которые впоследствии определили как «перестройку». Они затронули все сферы, в том числе и литературу. На непродолжительное время на первый план выходит литература с *публицистическим* началом. Публикуются произведения, откликающиеся на актуальные вопросы современности (Н. Тевекель, П. Афанасьев, Ю. Семендер, Ю. Вирьял, В. Эндип, Н. Исмуков,